
Проблема безопасности личности и государства в политико-правовых концепциях Древнего мира

Л.Ф. Скубченко

Исследуются различные подходы к безопасности личности и государства, сформулированные в политических и правовых теориях Древнего мира (Артхашастре, Законах Ману, учениях древнекитайских философов, политико-правовых доктринах Платона, Цицерона, Аристотеля). Рассмотрены предлагаемые в них правовые и неправовые методы обеспечения безопасности, раскрыто содержательное значение дискуссии об относительной важности закона, наказания, государственного контроля, с одной стороны, и нравственного идеала, воспитания, опоры на традиции и неписанные моральные нормы – с другой. Подчеркивается важная роль в античных учениях закона как идеальной нормы, ниспосланной свыше или заложенной в природе человека, призванной обеспечить гармонию интересов всех сословий, семьи, гражданского общества и государства в целом.

Ключевые слова: безопасность личности, безопасность государства, обеспечение безопасности, правовые средства, неправовые средства, общественные сословия, наказание, закон, благо народа, моральный идеал, ритуалы, человеческая природа, справедливость, идеальное государство, надзор, воспитание граждан, правопорядок.

Актуальность проблем безопасности личности и государства ставит на очередь дня разработку соответствующей теории. Сейчас во многих публикациях рассматриваются различные аспекты этой проблемы, в том числе роль правовых средств в ее решении [3, с. 46–48, 54; 13, с. 8; 14, с. 36–36], объединении усилий государственных и общественных структур [3, с. 56]. Помимо важности создания соответствующей законодательной базы, различные авторы говорят о взаимосвязи правовых и неправовых средств обеспечения безопасности для более эффективной реализации предлагаемых ими мер.

Если обратиться к данной проблеме в исторической ретроспективе, уже в древности можно обнаружить различные варианты ее осмысления; думается, ряд доводов мыслителей прошлого не утратил актуальности и сегодня.

В древневосточных политико-правовых учениях речь шла в первую очередь о безопасности государства и правителя, что рассматривалось как залог нормальной жизни и безопасности подданных. Многие древнеиндийские трактаты начинаются с пересказа известного мифа о создании четырех варн – основных сословий общества. Поддержание светской властью такого порядка человеческого общежития, при котором каждое сословие занимается своим делом, господство высших сословий над низшими, превосходство брахманов – все это основа нормального существования и безопасности как государства, так и народа, его населяющего: «Для всех неуклонно следующих присущей им дхарме, для варн и различных ашрам царь создан как охранитель» [4, с. 23–29, 130]. «Соблюдение каждым своего закона ведет на небо и к вечности. При его нарушении мир погибает от смешения каст. Поэтому пусть царь не допускает нарушения своего закона живыми существами...» [2, с. 18].

Таким образом, надлежащая организация управления государством имеет решающее значение для обеспечения безопасности. При этом к числу основных «элементов государства» древнеиндийские трактаты относят государя, министров и сановников, территорию страны (состоящую из укрепленных городов и сельской местности), казну, войско и союзников [2, с. 284; 4, с. 140]. Обладающие внушительным набором положительных качеств царь и его приближенные [2, с. 22–25, 284–287; 4, с. 130–132] служат гарантией правильного управления. Они обязаны об этом думать постоянно и быть весьма деятельными, поскольку нормальному существованию общества и политической власти существует множество угроз как внутреннего, так и внешнего характера.

В качестве средств управления считаются допустимыми не только открытые, гуманные методы, но и засылка тайных агентов для сбора сведений и проверки должностных лиц, дезинформация внешних врагов и собственного населения, устранение неугодных лиц и т.п. [2, с. 27–33]. Но и в открытых, и в тайных методах следует соблюдать справедливость: «царь, который по неразумию беспечно мучает свою страну, немедленно лишается вместе с родственниками страны и жизни» [4, с. 136]. Необходимо помнить и о том, что благополучию и безопасности населения может быть нанесен ущерб от деятельности сановников и слуг, поскольку «слуги царя, назначенные для охраны народа, бывают большей частью порочными, стремящимися к захвату чужой собственности; от них нужно защищать этот народ». Таких слуг рекомендуется отстранять от должности и отправлять в изгнание [4, с. 136].

Одно из действенных средств управления – наказание; нет другого столь же эффективного способа воздействия на людей. Вместе с тем наказание должно быть справедливым, только тогда оно укрепляет чувство законности, способствует преуспеваю и благополучию населения. Несправедливо налагаемые наказания, наоборот, вызывают непонимание у народа и в конце концов приводят к утрате власти правителем [2, с. 19, 20; 4, с. 128, 129]. В Законах Ману наказание (в буквальном переводе с санскрита – «палка») персонифицируется: «Наказание – царь, оно – мужчина, оно – вождь и оно – каратель... охранитель всех живых существ... Наказание правит всеми людьми, Наказание же охраняет, Наказание бодрствует, когда все спят...» [4, с. 128].

В контексте рассматриваемой темы представляет интерес высказывание о том, что наказание, справедливо не применяемое (т.е. бездействие власти), создает угрозу безопасности населения: «Не примененный к делу жезл создает положение как у рыб, то есть ввиду отсутствия держателя жезла более сильный поедает слабого» [2, с. 19]. «Если бы царь не налагал неустанно Наказание на заслуживающих его, более сильные изжарили бы слабых, как рыбу на вертеле, ворона стала бы есть поминальное приношение и собака лизать жертвенную пищу, никто не имел бы собственности и произошло бы перемещение высших и низших. Весь мир подчиняется только посредством

Наказания, ибо трудно найти человека чистого; ведь только из страха Наказания весь мир служит пользе» [4, с. 128].

Мысль о том, что личная безопасность – следствие безопасности и целостности общества и достижима лишь при этих условиях, нередко встречается и у древнекитайских мыслителей.

Согласно учению Лао-цзы, залог сохранения внутреннего мира – постижение мудрецами-правителями сущности дао (абсолютного мирового начала, определяющего закономерности неба, природы и общества) и управление государством в соответствии с этим первопринципом. Осуждаются любые активные действия, основанные на насилии, введение законодательным путем дополнительных налогов и обязанностей, агрессивная внешняя политика. Главное в управлении – мудрость простоты, основанная не столько на знаниях, сколько на интуиции; основной метод – недеяние (несовершенство действий, нарушающих дао), цель управления – стабильность, спокойствие, пассивность, простота, справедливость и счастье. Чересчур деятельная власть с ее произволом и тяжелыми поборами приводит к бедам и несчастьям [5, с. 184, 185]. Мудрый правитель должен все делать по правде и никогда не опираться на законы; излишнее количество законов и постановлений приводит только к умножению числа преступников [8, с. 26–27, 37].

О первенстве неправовых средств в обеспечении безопасности говорит и Конфуций. Его социально-философская теория в целом проникнута заботой о благе народа, это конечная цель государственного управления. Государство уподобляется большой семье, во главе которой стоит монарх-отец со своими помощниками – чиновниками. При этом главное – не законы и наказания, а соблюдение правителем и его приближенными норм аристократической этики (подобающих «благородному мужу»); только таким путем можно добиться блага и безопасности подданных.

Конфуций остро ощущал упадок современного ему общества и в поисках эталона добродетели обратился к древности. Суть социального порядка, опиравшегося на сформулированный им моральный идеал, он видел в том, чтобы в обществе все было прочно и стабильно, чтобы все находились на своих местах и каждый знал свои права и обязанности. Большое значение в связи с этим придавалось соблюдению ритуалов и церемоний – некогда сложившихся или установленных древними правителями правил поведения, выражающих естественную справедливость и охватывавших практически все сферы общественной и частной жизни [5, с. 165–167]. Законы и насилие становятся в этом случае излишними: «Если править с помощью закона, улаживать, наказывая, то народ остережется, но не будет знать стыда. Если править на основе добродетели, улаживать по ритуалу, народ не только устыдится, но и выразит покорность» [7, с. 58, 120]. Многие конкретные рекомендации Конфуция по управлению государством проникнуты гуманизмом. Правителю необходимо быть тщательным в делах, правдивым, любить людей, не винить их за малые проступки, выдвигать достойных и способных; обязатель-

ное условие управленческой деятельности – уметь заслужить доверие народа [7, с. 56, 115].

Других позиций придерживались древнекитайские легисты. По их мнению, люди по своей природе жадны, порочны и хитры; поэтому, управляя государством, нельзя опираться на принципы добродетели. Необходимо в первую очередь применять наказания – тогда подданные будут не избалованными, а боязливymi и не будут творить злодеяния [6, с. 156, 162, 163, 172, 178]. Задача правителя – создание сильного централизованного государства, причем интересы народа и правителя отнюдь не совпадают. Легисты поощряли взаимную слежку, подозрительность, доноительство. Для нарушителей закона они считали допустимыми самые жестокие наказания [6, с. 158, 159, 164, 174–181, 210–214, 231], зачастую не принимая во внимание соразмерность проступка и кары, меру ответственности за содеянное. «Стремящийся к владычеству в Поднебесной должен наказывать еще до того, как совершен проступок, тогда исчезнут и тяжкие преступления. ...Таков мой метод возврата к добродетели: путем смертных казней и примирения справедливости с насилием» [6, с. 179], – заключает Шан Ян. Здесь при сравнении ценностей государства и индивида мы видим безусловный приоритет государства, безопасность народа принесена в жертву безопасности государства и его правителя.

В античной политико-правовой мысли также можно встретить разные подходы к безопасности личности и государства. Как указывает Ф.К. Мугулов, именно в античной философии впервые была поставлена задача прояснить соотношение личного, общественного и государственного начала; наиболее развернуто эта проблематика представлена в «Государстве» и «Законах» Платона, а также в «Политике» Аристотеля [9, с. 17–18].

В идеальных моделях общества у Платона безопасность личности мыслится только в рамках безопасности полиса. Государство, по мнению философа, создается в интересах целого, общей справедливости, а не для удовлетворения потребностей частных лиц, отдельных групп или сословий [10, с. 189, 204–205]. При этом пути достижения общей безопасности различны в зависимости от конкретной модели идеального государства.

В «наилучшем» государственном строе, описанном в диалоге «Государство», безопасность обеспечивается иерархией сословий – господством философов-правителей, которым подчиняются стражи, а им – земледельцы, ремесленники, торговцы. На первый план Платон выдвигает неправовые средства обеспечения безопасности, ставя усмотрение правителей выше закона. Законодательство – часть царского искусства, но закон не в состоянии предусмотреть, что является наилучшим в каждом конкретном случае. Поэтому справедливо, что правитель должен стоять над законом [12, с. 48–51]. В таком же ключе рассматривается и отправление правосудия [11, с. 333, 334]. С другой стороны, там, где отсутствует наилучшее правление (государственный строй, основанный на власти философов), должны действовать правовые средства: «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы

и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон, – владыка над правителями, а они – его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги» [11, с. 167, 168].

В диалоге «Законы», где описывается более реалистичная модель «идеального государства», Платон пытается в мельчайших подробностях регламентировать и внешнее поведение человека, и его внутреннюю жизнь. Поскольку человек – существо несовершенное, необходимы предписания, которые бы защищали коллективную и индивидуальную безопасность от возможных посягательств. Нужен неусыпный надзор за поведением людей, и с этой целью учреждаются разнообразные должности («... попечение над городом будет осуществляться стратегами, таксиархами, гиппархами, филархами, пританами, астиномами, агораномами...» [11, с. 210, 211]). По мнению Платона, «никто никогда не должен оставаться без начальника», «никто не должен приучать себя действовать по собственному усмотрению», «надо жить с постоянной оглядкой на начальника и следовать его указаниям». Таким образом, «пусть человеческая душа приобретет навык совершенно не уметь делать что-либо отдельно от других людей и даже не понимать, как это возможно. Пусть жизнь всех людей всегда будет возможно более сплоченной и общей» [11, с. 406].

В «Законах» Платон уделяет значительное внимание качествам должностных лиц государства, их полномочиям и процедурам их избрания, обеспечивающим всеобщую безопасность. Высшим органом власти здесь является «Ночное собрание», в которое входят «десять самых престарелых стражей законов и тех, кто имеет отличия» [11, с. 427–429]. Это собрание, по выражению Платона, – якорь для всего государства, при помощи которого можно спасти все ценное и полезное. При этом наибольшую угрозу он видел во внутренних противоречиях общества, проистекающих из тех начал человеческой природы (ярость, склонность к удовольствиям и невежество), которые, взяв верх в человеке, побуждают его к совершению несправедливых поступков [11, с. 318–320]. В функцию закона входит как предупреждение проступков, так и наказание за них. В данном сочинении Платон предлагает развернутую систему карательных мер, включая широкое применение смертной казни.

Аристотель усматривает объективные начала политико-правовых явлений в самой природе человека как «политического» существа [5, с. 259]. По его мнению, все люди стремятся к государственному общению, в котором человек как существо, постигающее справедливость, живущий по закону и праву, находит свое нравственное завершение. «Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как и право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения» [1, с. 380].

По мнению Аристотеля, предпочтительнее, чтобы властвовал закон, а не человек, разумное, а не животное начало. «Закон, надлежащим образом вос-

питавший должностных лиц, предоставляет им возможность в прочих делах выносить судебные решения и управлять, руководствуясь наиболее справедливым суждением» [1, с. 481]. Эту проблему (подчинение законам или указаниям лиц, облеченных властью) Аристотель рассматривает достаточно подробно, склоняясь в целом к закону как наилучшему средству обеспечения общественного блага и безопасности.

Прежде всего, Аристотель говорит о необходимости подчинения праву должностных лиц. Их правильное назначение рассматривается в качестве одного из средств сохранения существующего государственного строя, предупреждения переворотов. «Самое главное при всяком государственном строе, – отмечает он, – это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться» [1, с. 547]. Большая роль отводится воспитанию граждан в духе правозаконности: «Но самое важное из всех указанных нами... средств, которым ныне все пренебрегают, – это воспитание... Никакой пользы не принесут самые полезные законы, единогласно одобренные всеми причастными к управлению ... если граждане не будут приучены к государственному порядку и в духе его воспитаны» [1, с. 551].

Цицерон рассматривал государство не только как выражение общего интереса всех его свободных членов (что было характерно и для древнегреческих концепций), но также как их согласованное правовое общение, как целостное правовое образование, «общий правопорядок» [5, с. 279; 15, с. 24]. Он принципиально осуждает государственные образования, в которых нет справедливого властвования, в которых безопасность народа находится под угрозой тиранического правления одного, немногих или толпы [15, с. 68, 69]. Справедливость лежит и в основе права, поэтому далеко не всякие государственные нормы могут считаться правовыми: «А многие вредные, многие пагубные постановления народов? Ведь они заслуживают названия закона не больше, чем решения, с общего согласия принятые разбойниками... Закон есть решение, отличающее справедливое от несправедливого и выраженное в соответствии с древнейшим началом всего сущего – природой, с которой сообразуются человеческие законы, дурных людей карающие казнью и защищающие и оберегающие честных» [16, с. 113].

По мнению римского философа и политика, правовые средства служат основой обеспечения общественной безопасности и благосостояния. Деятельность должностных лиц должна быть основана на законе: «...подобно тому, как магистратами руководят законы, так народом руководят магистраты, и можно с полным основанием сказать, что магистрат – это закон говорящий, а закон – это безмолвный магистрат»; «Под действие закона должны подпадать все». Цицерон обращает внимание на необходимость следования законам не только должностных лиц, но и граждан: «Империй (полномочия должностных лиц) да будет законным; граждане да подчиняются империи покорно и беспрекословно» [16, с. 13, 134, 139].

Таким образом, мыслители Древнего мира по-разному подходили к проблеме соотношения правовых и неправовых средств обеспечения безопасности. Как правило, решение зависело от общих установок той или иной теории. Так, этическая концепция Конфуция и доктрина «правления знающих» Платона принципиально исходили из приоритета неправовых средств; их оппоненты приводили аргументы в пользу противоположной точки зрения. По-видимому, современная теория должна рассматривать эти позиции как взаимно дополняющие, а не исключаяющие друг друга.

Литература

1. *Аристотель*. Политика // Собр. соч. в 4 т. / Пер. с др.-греч. под общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4.
2. *Артхашастра*, или Наука политики. – М.: Ладомир, 1993.
3. *Гордиенко В.В.* Безопасность России в условиях глобализации (криминологические и социально-правовые проблемы): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2005.
4. *Законы Ману*. – М.: Ладомир, 1992.
5. История политических и правовых учений. Древний мир / Отв. ред. В.С. Нерсесянц. – М.: Наука, 1985.
6. Книга правителя области Шан / Пер. с др.-кит. Л.С. Переломова. – М.: Ладомир, 1993.
7. *Конфуций*. Я верю в древность. – М.: Республика, 1995.
8. *Лао-цзы*. Дао дэ цзин, или Писание о нравственности. – Ростов н/Д, 1994.
9. *Мугулов Ф.К.* Безопасность личности в современной России: социально-институциональный анализ: Автореф. дис. ... докт. социол. наук. – М., 2004.
10. *Платон*. Государство // Собр. соч. в 4 т. Т. 3 / Пер. с др.-греч. под общ. ред. А.Ф. Loseva. – М.: Мысль, 1994.
11. *Платон*. Законы // Собр. соч. в 4 т. Т. 4 / Пер. с др.-греч. под общ. ред. А.Ф. Loseva. – М.: Мысль, 1994.
12. *Платон*. Политик // Собр. соч. в 4 т. Т. 4 / Пер. с др.-греч. под общ. ред. А.Ф. Loseva. – М.: Мысль, 1994.
13. *Телятников А.А.* Безопасность личности в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009.
14. *Тер-Акопов А.А.* Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). – М.: МНЭПУ, 1998.
15. *Цицерон*. О государстве // Диалоги. О государстве. О законах. – М.: Ладомир, 1994.
16. *Цицерон*. О законах // Диалоги. О государстве. О законах. – М.: Ладомир, 1994.